

Вторая волна русской эмиграции: взгляд изнутри

Валентина Синкевич, поэт, литературный критик, главный редактор альманаха «Встречи» (Филадельфия, США)

В 2012 году исполняется 70 лет второй волне эмиграции, которая до сих пор недостаточно исследована и интерпретируется по-разному. Это вполне понятно, учитывая сложность исторического времени — Вторая мировая война, трагический период для всех европейцев и, в том числе, для нас, русских. Это время сметало целые страны, путало географические карты, перемещало людей из страны в страну, бросало «из огня да в полымя». Вспомним строки поэта Ивана Елагина¹, чуткого к судьбам своего поколения: «Мы выросли в годы таких потрясений, / Что целые страны сметало с пути...» Ныне пришло время итогов, так как последние представители второй волны заканчивают свой жизненный путь. Для этого нужно обратиться к прошлому. О нем трудно писать без трагедийной окраски многих событий, потому что для людей, живших в то время в Европе, они таковыми и были.

Моя статья ни в коем случае не претендует на научно-исторический обзор второй волны эмиграции. Однако по воле судьбы я к ней принадлежу. Со многими моими соотечественниками мне довелось быть частью того времени, очевидцем тех событий, о которых попытаюсь, по мере возможности, рассказать беспристрастно. Увы, сейчас из регулярно пишущих «ныне здравствующих» литераторов второй эмиграции дипийских времен в живых осталось только двое: живописец и эссеист Сергей Голлербах² и я. Хочется, чтобы следующие поколения окинули все внимательным, спокойным, но не равнодушным взглядом, глубоко вникли и поняли всю сложность и трагичность нашей эпохи.

1 Елагин Иван Венедиктович (настоящая фамилия Матвеев), родился 1 декабря 1918 г. Поэт, профессор-славист, переводчик. Сын поэта-футуриста Венедикта Марта, расстрелянного в 1938 г. Умер 2 февраля 1987 г. в г. Питтсбурге, Пенсильвания.

2 Голлербах Сергей Львович, родился 1 ноября 1923 г. в Детском (бывшем Царском) Селе. Живописец, график, эссеист, педагог. Член нью-йоркской Национальной академии дизайна. Живет в Нью-Йорке.

Истоки второй, или, как называют ее, послевоенной, эмиграции кроются еще в 1942 году в гитлеровской Германии, точнее — в ее лагерях для русских военнопленных и в лагерях остовских³ и беженских⁴. После войны, в побежденной Германии, оказалось множество так называемых DP (ди-пи) (Displaced Persons), то есть «перемещенных лиц». Эти люди и составили основу второй волны русской эмиграции. Мысли о ней, о ее отличии от других русских эмиграций специально для этой статьи очень точно изложил Сергей Голлербах, современник и участник тех событий, достоверный свидетель того времени. Привожу полностью его текст, написанный им для этой статьи в октябре 2011 года:

«Вторая волна русской эмиграции, так называемые перемещенные лица, или ди-пи, существенно отличаются от двух других эмиграций. Если первая, «Белая волна», вызванная Октябрьской революцией, уходила в свободные страны Западной Европы, а третья волна была исходом из страны коммунистической на свободный Запад, то вторая волна попала из диктатуры коммунистической в диктатуру нацистскую.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и захват немцами больших территорий России, Украины и Белоруссии поставил находящихся там людей в трагическое положение. Для евреев это был смертный приговор, приведенный в исполнение, а для других — насильственный вывоз на работы в Германию. По мере отступления немецкой армии к ним прибавились еще волны беженцев из оккупированных немцами областей. То было «бегство своих от своих», как правильно сказал прозаик Леонид Ржевский, эмигрант второй волны. Люди боялись репрессий за то, что они, хотя и не по своей воле, оказались в немецкой оккупации и многие продолжали работать на своих прежних местах, чтобы не умереть с голоду.

А в Германии русским грозило три опасности. Первая — это нацистская власть и ее «методы», включавшие использование людей как рабочую скотину. Вторая пришла сверху: жесточайшие бомбардировки американской и английской авиации. Сколько ино-

3 Речь идет о немецких лагерях, где содержалось депортированное население с территории Восточной Европы, которое использовалось в Рейхе в качестве рабочей силы. [Прим. ред.]

4 Речь идет о лагерях беженцев. [Прим. ред.]

странных рабочих, военнопленных и беженцев погибло в результате этих налетов, никто не знает. Третья опасность возникла от предъявления советской властью союзникам требования насильственной выдачи всех советских граждан, попавших во время войны в Германию, Австрию и другие западные страны.

История дает нам множество примеров кровавых, захватнических войн, геноцида и зверств по отношению к невинным людям. Они совершались, в большинстве случаев, одной стороной. Но положение русских людей, попавших в лабиринты того времени, было беспрецедентным: смерть грозила им со всех сторон. Возможность свободного выбора была сведена до минимума, и людьми руководило основное, присущее всем живым существам чувство: желание спастись, не погибнуть.

Будучи одним из немногих оставшихся представителей второй волны, я пишу эти строки в надежде, что историки, изучающие трагические события Второй мировой войны, учтут всю сложность создавшихся тогда условий и дадут свою объективную и бесстрастную оценку».

Добавлю, что многие будущие перемещенные лица попадали в немецкие лагеря, уже пройдя лагеря советские. Например, из литераторов — Сергей Максимов⁵, Николай Ульянов⁶, Борис Филиппов⁷. Мне не хочется касаться политических проблем, но совершенно отойти от политики невозможно. Для большинства из нас, очутившихся за пределами отечества и ставших невозвращенцами, некоторые политические решения трех победителей (США, Советский Союз, Англия) превратились в вопросы жизни и смерти.

Например, судьбоносной стала ялтинская встреча троих — Рузвельта, Сталина и Черчилля, состоявшаяся в феврале 1945 года.

5 Максимов Сергей Сергеевич (настоящая фамилия Пашин, второй псевдоним — Широков), родился 1 июля 1916 г. в д. Чернопенье Костромской губернии. Прозаик, поэт, драматург. Отбывал срок в Печорских лагерях. Умер 12 марта 1967 г. в Лос-Анджелесе.

6 Ульянов Николай Иванович (псевдонимы: Н. Бурназельский, Н. Казабланковский, Н. Шварц-Омонский), родился 5 января 1904 г. в С.-Петербурге. Историк, прозаик, публицист, профессор-славист. Умер 7 марта 1985 г. в г. Нью-Хейвене, Коннектикут.

7 Филиппов Борис Андреевич (настоящая фамилия Филистинский), родился 6 августа 1905 г. в Ставрополе. Прозаик, поэт, историк русской литературы, публицист, редактор, издатель, профессор-славист. Умер 3 мая 1991 г. в Университи-Хилле, Мэриленд.

Тогда и встал вопрос о репатриации. Сталин требовал вернуть, конечно же, на расправу, всех, живших в Советском Союзе до 1939 года. Вернуть, независимо от их воли. Многие тогда не верили, что Рузвельт и Черчилль согласятся на требование Сталина.

В результате было подписано «Ялтинское соглашение», узаконившее насильственную репатриацию всех советских граждан, находящихся в западных странах. В мае 1945 года документ о репатриации повторно подписали в саксонском городе Галле. Генерал де Голль не участвовал в ялтинской конференции, но будучи в Москве еще в 1944 году, подписал там аналогичное согласие на обязательную репатриацию всех советских граждан.

В оправдание союзников, согласившихся подписать такой документ, можно сказать только следующее. Советскими войсками были освобождены 50000 американских и британских военнопленных. Эту информацию можно найти во многих иностранных источниках. Например, в книге Марка Ваймана «Ди-пи: перемещенные лица Европы»⁸ и в книге Бена Шепарда «Длинная дорога домой»⁹. Союзники серьезно опасались, что Советы могут не отпустить домой освобожденных ими военнопленных, если американцы и англичане откажутся выдать советских граждан, находящихся в их оккупационных зонах.

Положение советских военнопленных в Германии было катастрофическим. Известно, что Сталин отказался подписать соглашение с организацией швейцарского Международного Красного Креста, снабжающего продовольствием лагеря для военнопленных. Поэтому смертность от истощения среди русских пленных была чудовищно велика. В приказе Ставки Главного Командования Красной Армии за № 270 от 16 августа 1941 года сказано, что все военнопленные приравниваются к «дезертирам-изменникам Родины».

Марк Вайман пишет, что первоначально в Германии оказалось более 5 миллионов советских военнопленных, а к весне 1944 года их осталось всего 1053000 человек — из-за смертности от голода

8 Wyman Mark. *DP: Europe's Displaced Persons*. Philadelphia, 1989.

9 Shephard Ben. *The Long Road Home*. New York, 2011.

болезней, бегства из лагерей и также активных наборов в немецкую и власовскую армии. Статистика жуткая.

Трудно точно установить число людей, добровольно или принудительно вернувшихся домой. В статье «О дипийском прошлом»¹⁰ Людмила Оболенская-Флам¹¹ приводит данные Татьяны Ульянкиной, которая называет общую цифру 5218000 человек¹², а также данные Николая Толстого¹³, который в книге «Жертвы Ялты» увеличивает эту цифру на 300 тысяч человек¹⁴.

Трагична статистика, которую приводит Николай Толстой, в отношении этих людей: «20% получили либо смертные приговоры, либо 25 лет лагерей; 15–20% получили от 5-ти до 10-ти лет лагерей; 10% высланы в Сибирь сроком не менее шести лет; 15% отправлены на работы в Донбасс, Кузбасс и другие разоренные войной районы без права возвращения в родные места, и лишь 15–20% смогли вернуться к себе». О вернувшихся домой Бен Шепард пишет, что бывшие остарбайтеры никогда не были реинтегрированы в советское общество и что власти десятилетиями оставались подозрительны к людям, имевшим контакт с чужим миром.

Конечно, многие возвращались добровольно, особенно сразу же по окончании войны. Добровольцы уезжали под звуки гармонии и веселых песен. Однако множество людей: русских, украинцев, белорусов из западных зон оккупации ехать домой отказывались. Боялись возвращения и балтийцы, поляки, чехи, венгры, западные украинцы. Они принимали решение остаться в разрушенной бомбардировками Германии. Отказались возвращаться также

10 Оболенская-Флам Л. *О дипийском прошлом* // Новый Журнал, 2010, № 261. С. 305–319.

11 Оболенская-Флам Людмила Сергеевна (урождённая Чернова), родилась 14 июня 1931 г. в Риге. Мемуарист, эссеист, редактор, составитель, радиожурналист. Многолетний сотрудник радиостанции «Голос Америки». Живет в Гринбелт, Мэриленд. Представительница второго поколения первой эмиграции.

12 Ульянкина Т.И. *Дикая историческая полоса*. М., 2010.

13 Толстой Николай Дмитриевич, родился в 1935 г., глава старшей ветви старинного дворянского рода Толстых-Милославских, кельтолог, специалист по истории насильственной репатриации. Живет в Англии.

14 Толстой Н.Д. *Жертвы Ялты*. Париж, 1988. (Впервые книга вышла в 1978 г.)

«немцы-фольксдейчи»¹⁵ и немцы-менониты¹⁶, которые во время Второй мировой войны вернулись на свою прародину.

Благодаря усилиям союзников, было принято решение о том, что граждане тех стран, которые не входили в состав Советского Союза до 1939 года, не подлежат насильственной репатриации. Таким образом, освободились от насильственного возвращения балтийцы, поляки, чехи, венгры. Послереволюционные эмигранты, так называемые «белоэмигранты», также не попадали под категорию репатриантов. А для остальных наступила страшная эпопея возвращения.

Со всей силой это бедствие обрушилось на Германию и Австрию, где собралось большинство невозвращенцев. По времени вся «операция» продолжалась недолго и закончилась к началу 1947 года. Но бед она причинила много.

Трагическими событиями можно назвать выдачу англичанами около 40000 казаков с их семьями в австрийском лагере Лиенц и выдачу американцами около 3000 солдат РОА (власовцев) в баварском лагере Платтлинг. В обоих случаях людей обманули, уверив, что выдавать никого не будут, что все могут спокойно собираться в этих лагерях. И выдали всех до единого. Люди отчаянно сопротивлялись, кончали жизнь самоубийством: резали вены, сжигали себя в бараках, зная, что их ждет. С чувством большой вины вспоминают сейчас те события немногие оставшиеся в живых союзные участники этих «операций».

В общей сложности англичане выдали Сталину 564170 человек. Американцы действовали менее оперативно: выдали 342500. А французы — всего 200 человек. Эти цифры приводятся в книге Бориса Пушкарева¹⁷ «Две России XX века: 1917–1993»¹⁸.

15 Немцы-фольксдейчи — немцы, до войны проживающие за пределами Германии. [Прим. ред.]

16 Менониты — представители одного из направлений протестантизма. Церковь зародилась в Нидерландах, затем получила широкое распространение на территории Германии. С XVIII в. большие общины менонитов (этнических немцев) поселились на территории Российской империи. [Прим. ред.]

17 Пушкарев Борис Сергеевич, родился 22 октября 1929 г. в Праге. Историк, общественно-политический деятель, градостроитель. Представитель второго поколения первой эмиграции. Живет в Клифсайд Парке (Cliffside Park), Нью-Джерси.

18 Пушкарев Б.С. *Две России XX века: 1917–1993*. М., 2008.

Я хорошо помню панику людей, ютившихся в послевоенных немецких лагерях и стремившихся как можно быстрее их покинуть. Нередко лагеря окружались американскими и английскими специальными репатриационными отрядами и советскими СМЕРШевцами. Людей хватали, сажали в грузовики и доставляли в советскую зону, где с некоторыми тут же расправлялись. Иногда каким-то образом в лагере узнавали, что готовится облава, и люди бежали в лес или ютились на вокзалах, хотя последнее было также небезопасно. Людей похищали и просто на улицах. Некоторые невозвращенцы ухитрились лечь, хотя бы на короткое время, в немецкую больницу, где, по слухам, находиться было безопаснее.

Многие стремились также найти частную квартиру. Но это было нелегко: города разбиты, да и где достать деньги? Но, как говорится, «голь на выдумки хитра». Приспосабливались, кто как мог. Вот краткий отрывок из очерка Ольги Раевской-Хьюз¹⁹, еще одного очевидца тех событий, после войны попавшей с родителями в старинный немецкий город Ульм: «Город был почти разрушен союзными бомбардировками, но сохранился и возвышался над развалинами готический собор. В моей памяти весь город и округа как бы собрались вокруг уцелевшего высоченного шпиля собора. Мы сняли квартиру с окнами на улицу, но ночевали в небольшой комнатке, из которой можно было легко выскочить в сад. Это была нелишняя предосторожность, так как время было опасное: очень энергично работали советские репатриационные комиссии, насильно увозящие беженцев в Советский Союз»²⁰.

А дальше для будущих «второволновцев» началась новая эпопея. Проблемы заключались в следующем: как и куда бежать из Европы? Кто приютит бездомных людей, не нужных ни Европе, ни, тем более, Германии, у которой хватало своих проблем? Правда, финансовые обязанности по содержанию лагерей взяли на себя не немцы, а две организации: сначала UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration), а затем IRO (International Refugee Organization), на русском лагерном диалекте — «Ирочка».

19 Раевская-Хьюз Ольга Петровна (урождённая Раевская) — литературовед, эссеист, редактор, профессор-славист. Живет в Беркли, Калифорния.

20 Раевская-Хьюз О.П. *В доме «Милосердный Самарянин» // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции.* М., 2006. С. 143.

Однако, фактически, невозвращенцы пали неожиданным бременем на западных союзников, ожидавших, что все спокойно вернется восвояси, освободив уставших победителей от непредвиденных и довольно сложных проблем.

Помощь невозвращенцам пришла с совершенно неожиданной стороны. А именно, от двух великих правдоискательниц XX века: Элеоноры Рузвельт и Александры Толстой²¹. Обе они не раз в своей жизни становились на сторону добра и правды. Рузвельт, посетившая немецкие послевоенные лагеря, быстро поняла катастрофическое положение людей, попавших в жернова самой бесчеловечной войны и очутившихся в капкане, из которого их срочно нужно освобождать. Прежде всего, необходимо было дать людям легальный статус, обеспечивающий право на эмиграцию. Элеонора Рузвельт взывала к совести «вершителей человеческих судеб» — политиков того времени. Она первая выступила в ООН в защиту невозвращенцев, она также энергично осуждала закон о насильственной репатриации.

Так же неустанно, пользуясь своим славным именем, боролась за своих соотечественников Александра Львовна Толстая. Она, где только могла, устно и в печати, обращалась к американской общественности, описывала весь ужас насильственной репатриации, неустанно старалась пробудить в людях свободного мира сочувствие к тяжелой судьбе дипийцев. Вот цитаты (в моем переводе с английского на русский) из статьи Толстой «Русские ДиПи», в которой она объясняет — кто они вообще, эти «русские ди-пи», о которых рядовые американцы не имели никакого понятия: «Ди-пи — люди. Среди них можно найти всяких: хороших и плохих, сильных и слабых, образованных и неграмотных... Но говоря об обыкновенных ди-пи, я чувствую, что мы можем только склонить перед ними головы. Эти люди были преследуемы и унижены — не только потому, что они потеряли свое положение в жизни, но и потому, что во многих случаях они превратились лишь в номера. Более чем четыре года они были лишены возможности зарабатывать средства для жизни семьи и собственной их жизни. <...> Тем,

21 Толстая Александра Львовна, родилась 1 июля 1884 г. в Ясной Поляне, младшая дочь Л.Н. Толстого. Мемуарист, эссеист, публицист, лектор, филантроп, общественный деятель, основатель Толстовского фонда. Умерла в сентябре 1979 г. в Валли Коттедже, Нью-Йорк.

кто спрашивает меня: «Кто такие ди-пи?», я отвечаю: «Это те, кто носит на себе груз несправедливости, страдания и неправды всего мира. И потому они заслужили всемерную помощь и сочувствие, которые можно им предоставить»»²².

Такие воззвания помогали. Многие американцы откликались на голос дочери Льва Толстого, взывающий к людскому состраданию и справедливости. Материальную и моральную помощь она сумела добыть.

После того, как люди, наконец, не без усилий этих двух женщин, получили официальный статус ди-пи и, таким образом, обрели возможность эмигрировать, Александра Львовна взвалила на себя титанический труд по вывозу из Европы и устройству в Америке многих тысяч дипийцев. У этих людей появилась тогда как бы вторая национальность: дипиец. Усилиями основанного ею Толстовского фонда Александре Львовне в общей сложности удалось вывезти из Европы около 40000 «невозвращенцев».

В каких бытовых условиях жили тогда люди в дипийских лагерях Европы? Могу сказать несколько слов об этом, опираясь на собственный опыт. Знаю, что он весьма односторонен, так как я жила только в британской зоне Германии. Знаю также, что жилищные условия в лагерях американской зоны были немного лучше.

Моим последним пристанищем в Германии стал дипийский лагерь Цоо Камп, находившийся в разгромленном Гамбурге: это был порт с важными военными объектами. Сначала меня поселили в большой барачной комнате, разделенной солдатскими одеялами, за которыми находилось еще несколько женщин. А когда у меня родилась дочка, лагерная администрация дала мне более просторную территорию: всего две «одеяльные» соседки. (Муж по долгу службы жил в другом лагере в конце города.) Холодную воду я носила из соседнего барака и грела ее на миниатюрной электрической плитке с постоянно перегоравшей спиралькой. Если одновременно включались несколько плиток, исчезало все барачное электричество. А тут пеленки, купанье ребенка, да мало еще чего нужно, даже в том лагерном «хозяйстве». И плачущее по ночам дитя, которому, как потом выяснилось, не

22 Tolstaya A.L. *The Russians DP* // *Russian Review*, 1950. Vol. 9, № 1 (January). P. 58.

хватало материнского питания. А за тонкой деревянной стенкой громко ворчащая соседка, уже немолодая женщина, работавшая на лагерной кухне: ей вставать с петухами, а тут — плачущий младенец.

Однако желание всех «невозвращенцев» вырваться из Европы было основано не столько на бытовых неудобствах лагерной жизни, сколько на страхе, который точно описала Людмила Оболенская-Флам, русская балтийка, не подлежавшая насильственной репатриации: «И даже не беспросветность была главной причиной стремления людей во что бы то ни стало куда-то эмигрировать, а угроза советской агрессии, страх оказаться застигнутым Третьей мировой войной. Опасения эти были вполне реальны, учитывая, что Сталин очень ловко подмял под себя страны Восточной Европы и пытался проделать то же самое с Грецией. А когда он в 1948 году учинил блокаду Берлина, то казалось — еще немного, и он двинет войска на Западную Германию. Вот почему, спасая себя и семью, некоторым приходилось делать это всякими правдами и неправдами, уезжать не только под вымышленной фамилией, но с подмалеванными профессиональными данными, даже с чужими рентгеновскими снимками легких!»²³

Именно в то время в дипийском лексиконе появилось новое слово: «скрининг», от английского screen. В словарях это слово, как часто в английском языке, одновременно имя существительное и глагол. Оно имеет множество значений, включая два, подходящие к дипийскому прошлому: «просеивание» и «сортировка». Именно этим и занялись союзные власти под эгидой UNRRA. В лагерь стали постоянно приезжать специальные комиссии по выявлению коллаборантов²⁴, установлению права на статус ди-пи, по проверке политической благонадежности... Назначались бесконечные медицинские обследования, дипийцы особенно опасались рентгеновских снимков — а вдруг обнаружат туберкулез. С таким диагнозом эмигрировать было невозможно.

Нечего и говорить: всех этих «скринингов» страшно боялись, особенно люди, над которыми висела угроза репатриации. Бен

23 Оболенская-Флам Л. Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. М., 2006.

24 Коллаборанты — люди, сотрудничавшие с нацистами. [Прим. ред.]

Шепард пишет: «Беженцев допрашивали пристрастно, с предубеждением. <...> UNRRA нарочно старалась лишить украинских, польских и русских жителей беженских лагерей их статуса ди-пи». На многих «скринингах» присутствовали и советские представители.

Справедливости ради нужно сказать, что иногда «юнрровцы» закрывали глаза на фантастические автобиографии допрашиваемых дипийцев. В этом им тоже иногда помогали сочувствующие переводчики, обыкновенно из первой эмиграции. То было время вынужденного биографического мифотворчества. Возник даже лагерный фольклор, в котором фигурировал некий Иван. Например, пользовался популярностью такой трагикомический рассказ. На «скрининге» недоумевающее официальное лицо спросило Ивана, каким образом он, родившийся и выросший в Венгрии, говорит только по-русски и по-украински? — На что насмерть перепуганный Иван отвечает: «Так я же жил в лесу». А позже, когда началось расселение дипийцев по всему белому свету, в лагерях пели: «По синим волнам океана / Везут в Аргентину Ивана...»

Из-за этого, иногда просто необходимого, мифотворчества, началось «производство» подложных документов, предъявляемых на «скринингах». Во многих случаях фальшивки «срабатывали», и даже «лесные жители» вроде «Ивана» все-таки могли, наконец, покинуть Европу.

Часто спасительные «документы» за неимением денег выменивались на американские сигареты и кофейные зерна. Сигареты выдавались во всех дипийских лагерях, а кофейные зерна лишь в некоторых. Оба эти «товара» очень ценились коренными жителями: они за время войны устали курить что попало и пить свою эрзац-бурду вместо настоящего кофе. Поэтому тот, кто не курил и обходился без настоящего кофе, мог иногда быть даже «при деньгах».

В связи со всей той путаницей с документами зачастую возникали перипетии, которые трудно представить возможными в другие времена. Вот, например, еще одна цитата из вышеупомянутой статьи Людмилы Оболенской-Флам: «Так, в 1948 году под нашей фамилией, с нашими положительными результатами медицинского обследования, в Америку из Германии уехала совершенно нам

незнакомая семья. А мой отец, опасаясь войны, вместо того чтобы начинать заново всю процедуру с получением бумаг на выезд в США, принял первое попавшееся предложение работы, и мы вместо Америки оказались в Марокко»²⁵.

Жизнь в дипийских лагерях еще ждет своего летописца. Вот лишь некоторые сюжеты этой истории. Как часто бывает, трагическое переплеталось со смешным. Замечательным явлением, даже чудом была дипийская издательская деятельность. Началось все в 1945 году с изданий всевозможных газеток и бюллетеней. Книги, вернее книжечки, стали регулярно появляться с 1946 года, в самый разгар насильственной репатриации. Эта деятельность того времени свидетельствует о неистощимой тяге русских людей к культуре, к знанию, к приобщению к чему-то выше обыденной жизни, то есть к стремлению жить «не хлебом единым» в любых условиях и в любое время! Позарез нужны были тогда книги. Но где их взять в разбитой чужой стране, да еще на русском языке? Выход был только один: издавать самим.

Такое неожиданное и, можно сказать, стихийное стремление снова привело оккупационные власти в некое замешательство. Для них возникла новая проблема, требовавшая осторожности: мало ли чего вздумается печатать этим странным людям? Но они вышли с честью из положения: нашли... цензоров, проверявших тексты на предмет политической благонадежности. Мне помнятся дипийские книжечки с цензорским штемпелем UNRRA, свидетельствующие о том, что цензоров мало интересовало все остальное, даже простая грамотность автора «произведения».

Известный зарубежный коллекционер, бывший дипиец Ростислав Полчанинов²⁶, еще один свидетель того времени пишет: «Все эти книги, в том числе и произведения русских классиков, за редким исключением, рассматривались нашими ди-пи как временная духовная пища и безжалостно выбрасывались перед отъездом за океан. Это безжалостное отношение к изданиям ди-пи было вызвано тем, что отъезжающие имели право брать ограниченное

25 Оболенская-Флам Л. *О дипийском прошлом* // Новый Журнал, 2010, № 261. С. 305–319.

26 Полчанинов Ростислав Владимирович, родился 14 января 1919 г. Историк, общественный деятель, журналист, коллекционер. Представитель первой волны русской эмиграции. Живет в Нью Хайд-Парке (New Hyde Park), Нью-Йорк.

количество багажа — всего 50 кг на человека...»²⁷. Здесь могу с некоторой гордостью сказать, что я одна из немногих, кто сохранил дипийские книжечки в своей библиотеке по сей день.

Издательская деятельность ди-пи почти вся сконцентрировалась в американской зоне, прежде всего в Мюнхене, Регенсбурге и Мехенгофе (Moechenhof). Именно оттуда вышло большинство будущих известных зарубежных литераторов второй эмиграции. В английской зоне было издательство «Копейка», но оно издало и книг почти на эту же сумму. Тиражи дипийских изданий, в основном, колебались от 50 до 500 экземпляров.

Насколько мне известно, «Конек-горбунок» была первой книгой, изданной в 1945 году типографским способом. (Вначале все издавалось ротаторным способом)²⁸. «Горбунка» для лагерных детишек сделал Вячеслав Завалишин, «издательство» которого даже не имело никакого названия. О нем Ростислав Полчанинов пишет, что проживавший в Мюнхене Завалишин издавал книги, не спрашивая разрешения у UNRRA. К этому я добавлю, что для Вячеслава Клавдиевича, побывавшего в немецком плену (и бежавшего оттуда!), попавшего и в лапы гестапо, какие-то «юнрровские» постановления были не указ. Да, он всегда и везде жил только по-своему.

Кроме «Конька-горбунка», у меня есть еще несколько дипийских книжечек, на которых указаны только Мюнхен и дата издания, но отсутствует цензорское разрешение UNRRA. Среди них: первый зарубежный поэтический сборник Ивана Елагина «Ты, мое столетие!» (1946 год), его же — «Портрет мадмуазель Таржи» (1949 год); первый поэтический сборник Ольги Анстей «Дверь в стене» (1949 год); и библиографический раритет — двенадцати-страничная брошюра «Андрей Рублев» с черно-белой репродукцией рублевской «Троицы Ветхозаветной» и текстом В. Завалишина. Я уверена, что эти издания — дело рук Вячеслава Клавдиевича.

Появлялись тогда и «одноразовые издательства», публиковавшие, как правило, одну книжечку самого «издателя». К таким изданиям можно, пожалуй, отнести «книжку-малышку» расска-

27 Полчанинов Р. *Заметки коллекционера*. Лондон, 1988. С. 233.

28 Имеется в виду печать ротопринтным способом. [Прим. ред.]

зов Александра Перфильева²⁹ «Когда горит снег». Она вышла в издательстве «Космос», Мюнхен (1946 год). Сей «Космос» вряд ли имел большую практику в области книгоиздания: в перфильевской книжечке почти половина страниц сброшюрована вверх ногами.

Недавно я познакомилась с Филиппом Пенка³⁰, аспирантом Гарвардского университета, которому в свое время от какой-то русской эмигрантки досталась коробка со старыми книгами, где были и дипийские издания. На основе этого дара он собрал коллекцию пожелтевших от времени и плохой бумаги дипийских книжечек, неизвестно какими «чужаками» привезенных из послевоенной Европы в Америку. Он написал прекрасное предисловие к своему собранию, профессионально описал каждую книжечку, сделал хорошие репродукции. Коллекцию он назвал ««Временная духовная пища»: Печатная культура русских дипийцев в послевоенной Германии (1945–1951)»³¹ — начало названия взято из книги Р. Полчанинова «Заметки коллекционера». За эту коллекцию редких книг в Гарвардском университете он получил первый приз (Philip Hooper Prize, 2009–2010). В коллекции Пенка есть поистине уникальные вещи: например, два первых томика миниатюрного четырехтомного издания стихов Н. Гумилева, вышедшие в 1947 г. в издательстве «Посев», в Регенсбурге. Это было первое издание стихов поэта, появившееся после его расстрела.

В машинописном предисловии к своему собранию Филипп Пенка пишет: «Главная цель моей коллекции заключается в том, чтобы отдать должное изобретательной предприимчивости, оптимистическому духу и громадному культурному потенциалу той беженской общины. Непрерывная издательская деятельность перемещенных лиц служит примером их огромного уважения к печатному слову.

29 Перфильев Александр Михайлович (псевдонимы: Александр Ли и Шерри-Бренди), родился в 1895 г. в Чите, умер в 1976 г. в Мюнхене. Георгиевский кавалер, участник Белого движения, во время Второй мировой войны был в казачьих частях генерала Петра Краснова. Поэт, прозаик, композитор-исполнитель эстрадных романсов. Представитель первой эмиграции.

30 Филипп Пенка имеет чешско-немецкое происхождение (отец немец, мать чешка). Великолепно владеет русским языком, хотя родной язык у него немецкий.

31 «*Temporary Spiritual Sustenance*»: *The Print Culture of Russian Displaced Persons in Post-War Germany (1945–1951)*.

Это всегда привлекало меня в русской культуре...»³². Вот когда и где прозвучала хвала людям, оберегавшим самое дорогое: русскую культуру, без которой они не могли бы остаться русскими.

Итак, вернемся к истории отъезда дипийцев. Выбраться в то время из Европы оказалось весьма сложным и длительным процессом. Даже прошедшие все возможные и невозможные «комиссии» сидели в ожидании страны, которая бы их приютила. Какой язык следовало им изучать — английский, испанский, французский? Конечно, большинство хотело попасть не в Южную, а в Северную Америку, поскольку в ней, как известно, «улицы вымощены золотом» и уровень жизни выше нью-йоркского небоскреба. Однако «страна иммигрантов» не спешила навстречу дипийцам с распростертыми объятьями. Америка позже других стран стала постепенно впускать немногих «счастливых». Сначала это были люди, которых выписывали частные спонсоры, обеспечивавшие иммигрантам жилище и работу. Нашлись в Америке и частные организации, делавшие то же самое. Помянуть добрым словом нужно протестантскую церковную организацию World Church Service, с помощью которой въехало много дипийцев, включая нашу семью: муж, дочка и я. С не менее добрыми чувствами русские дипийцы могут снова вспомнить неутомимую Александру Толстую и ее гигантскую работу в деле помощи всем нам, бывшим перемещенным лицам.

Почему выезд из Европы для многих тянулся так долго, почти пять лет? Кроме других проблем, дело было еще и в том, что большинство стран хотело получить дешевую рабочую силу, то есть крепких молодых и, по возможности, не обремененных семьей холостых мужчин, пригодных для физической работы. Канада, например, указывала не только желательный возраст потенциально го иммигранта, но его рост и вес. Большинство молодых мужчин по приезде туда работали на лесоповале. «Капризничала» и Австралия, в основном, предпочитавшая фермерских работников. Некоторых дипийцев отправляли там охотиться за змеями: змеиный яд был нужен для фармацевтических фирм. В той ситуации высшее образование было лишь помехой. Я, например, почти уверена, что австралийский консул не дал нашей семье разрешение на въезд

32 Пер. с англ. В. Синкевич.

в Австралию из-за высшего образования моего мужа. Однако и в то суровое время нашлись две страны-праведницы: Швеция приняла несколько сотен туберкулезных ди-пи, а Норвегия взяла слепых.

Но постепенно почти все дипийцы, принадлежавшие к первой и второй эмиграции, получили возможность покинуть Европу. Многие эмигрировали с фиктивными биографическими данными в документах, в которых иногда не соответствовали действительности ни место рождения, ни профессия. Встречались совершенно невозможные сочетания профессий: врач-земледелец, инженер-маляр, художник-чернорабочий и прочие несуразности.

Первый транспорт – «Генерал Блэк» – с перемещенными лицами покинул берег Европы 21 октября 1948 года. Главным портом, откуда шли суда в Америку, стал Бремерхафен (пригород Бремена). Самым же знаменитым судном, транспортировавшим дипийцев в США, было «Генерал Балу» (General Balou). Именно на нем благополучно приплывали в нью-йоркскую гавань мои довольно многочисленные друзья-колеги.

И вот, наконец, Америка. В первое время избежать «черной работы» удалось далеко не всем. Вполне понятно: чужая страна, чужой язык и другие, пусть малые на фоне пережитого, но все же трудности, не помогавшие быстрой адаптации в незнакомых условиях. Примеров много: поэт Николай Моршен собирал в Калифорнии апельсины, а поэт Владимир Марков – лимоны в той же Калифорнии, их коллега на восточном побережье США Иван Елагин мыл посуду и полы в нью-йоркском ресторане, а живописец и эссеист Сергей Голлербах выгуливал собак и работал в саду... Но затем, кто быстрее, кто медленнее, все как-то нашли в Америке свое «место под солнцем». Бездарных, «хронических» неудачников среди бывших дипийцев второй волны, насколько мне известно, не было. Среди нас было много молодых людей, еще не уставших от жизни, еще полных сил и веры в себя, в свое благополучное будущее. Послевоенная эмиграция, получившая название второй волны, постепенно прочно становилась на ноги. Однако обойтись без серьезной проблемы, грозившей превратиться в настоящую трагедию, «вторым» все равно не удалось.

Гром грянул с ясного неба. Было так: недавний дипиец, поэт Родион Березов³³, почувствовал угрызения совести за въезд в Америку с подложными документами. Он сообщил американским чиновникам Бюро эмиграции и натурализации, что настоящая его фамилия Акульшин, а не Березов. Чиновники приняли это сообщение довольно сурово и начали процесс высылки из страны весьма подозрительного иностранца — не то Березова, не то Акульшина. Легко понять тревогу тех, кто въехал в США с подобными же бумагами. Неужели снова угроза депортации? В отчаянии Березов обратился за помощью к людям, имевшим здесь солидное общественное положение. Александра Львовна Толстая снова пришла на помощь человеку, попавшему в беду. К ней присоединились редактор «Нового русского слова» Марк Вейнбаум³⁴ и профессор Григорий Чеботарев³⁵. Они собрали массу петиций в защиту Березова, и дело его, позже получившее название «Березовская болезнь», дошло до Вашингтонской сенатской комиссии. Сенатор Джон Кеннеди, будущий президент США, помог положительно рассмотреть дело Березова. Он внес в Палату представителей законопроект о легализации иммигрантов, давших о себе неверные биографические сведения, с тем, чтобы избежать депортации, грозившей им по условиям Ялтинского соглашения. После принятия поправки к закону, множество людей получили легальный статус для постоянного проживания в США. Мы все тогда приняли это событие как настоящий американский *happy end*. И после

33 Березов Родион Михайлович (настоящая фамилия Акульшин, второй псевдоним Д. Новоселов), родился 8 апреля 1894 г. в д. Виловатое (Поволжье) 13-м ребенком в крестьянской семье. Поэт, прозаик. Воевал. Был в немецких лагерях для военнопленных. Его имя связано с процессом, известным под названием «Березовская болезнь», закончившимся легализацией бывших дипийцев, въехавших в США с фальшивыми документами, взятыми из-за боязни насильственной репатриации в СССР. Умер 24 июня 1988 г. в Ашфорде, Коннектикут.

34 Вейнбаум Марк Ефимович, родился 20 апреля 1890 г. в Проскурове Подольской губернии. Журналист, публицист, общественный деятель. Эмигрировал в США в 1913 г. С 1914 г. работал в нью-йоркской газете «Новое русское слово», став затем ее редактором и издателем вплоть до смерти 19 марта 1973 г.

35 Чеботарев Григорий Порфирьевич, родился 3 февраля 1899 г. в Павловске Санкт-Петербургской губернии. Общественно-политический деятель, инженер-строитель, участник Белого движения. Представитель первой эмиграции. Умер в 1986 г. в Твиннинг-Вилладже, Пенсильвания.

многих лет неуверенности в завтрашнем дне началась для «вторых» жизнь, которую они уже могли назвать нормальной.

Было ли у второй эмиграции «свое лицо»? Оставит ли она заметный след в жизни страны, давшей ей приют в тяжелое время прошлого века? Это сложные вопросы. Можно сказать следующее: к сожалению, громких, знаменитых на весь мир имен, в отличие от первой и третьей эмиграции, во второй нет. Нобелевских лауреатов тоже нет, и уже, конечно, не будет. Но вторая эмиграция дала ряд замечательных поэтов и прозаиков. Удивительно, что они вообще писали, что некоторые до последнего вздоха сохраняли эту неистребимую волю к творчеству. Писали в бурное время там, в Европе, и в равнодушное — здесь. Они сумели создать настоящую литературу, пусть не столь великую, пусть не эпохальную, как хотелось бы, но все же — настоящую русскую литературу! В ней есть отклик на свой, самый трагический в европейской истории, двадцатый век (Иван Елагин). Есть жалость к человеку, попавшему в непроходимые дебри военного времени (Леонид Ржевский). Россия за рубежом? Да, и она возникала на их страницах (Борис Филиппов). Рассказы очевидца о советских лагерях (Сергей Максимов). Беллетризованная древняя и современная история (Николай Ульянов)...

Но самый глубокий след «вторых» останется в области американской педагогики. В свое время очень много преподавателей из второй эмиграции заняли кафедры славистики в высших американских учебных заведениях. Они пробудили большой интерес к русской литературе, взрастив целые поколения славистов, обогативших свою жизнь приобщением к русской культуре. Притом у этих «вторых» было, а у немногих, еще ныне здравствующих, и по сей день есть, неистребимое упорное стремление сохранить принадлежность к России, не оторваться от родных корней в другой стране, в иной языковой среде.

До сравнительно недавнего времени о второй эмиграции в России предпочитали молчать. Но время изменилось: стал заметен интерес и ко «вторым». Как известно, первая эмиграция полно-

стью «вернулась в Россию стихами»³⁶. Сейчас и творчество второй эмиграции стало понемногу доходить до российского читателя. Жаль только, что многие, кто ждал этого момента, увы, не дожили до него.

С исторической и политической точки зрения исключительно интересна и информативна книга Павла Поляна³⁷ «Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация»³⁸. А в области литературы событием можно назвать книгу биографических очерков Майи Бабичевой³⁹ «Писатели второй волны русской эмиграции»⁴⁰. Жаль, что обе книги вышли малыми тиражами: первая — 850 экземпляров, вторая — всего 500 экземпляров.

Необходимо назвать и имя Владимира Агеносова⁴¹. Он, можно сказать, первопроходец в процессе возвращения в Россию литературного наследия второй эмиграции. Ценна его монография «Литература Русского Зарубежья» (1998 г.), в которой есть большой раздел, посвященный авторам второй волны. При непосредственном участии Агеносова в России выходили книги авторов этой эмиграции. Я хорошо помню радость Николая Моршена, когда впервые в Москве в 2000 году вышло самое полное собрание его стихотворений «Пуще неволи». В одной из своих статей — «Итоги и задачи изучения литературы ди-пи и послевоенной эмиграции» — Агеносов пишет: «... литература ди-пи и второй (послево-

36 Неполная строка стихотворения поэта, прозаика, литературного критика и мемуариста Георгия Владимировича Иванова (29.10.11 — 27.8.1958), ставшая синонимом возвращения творчества зарубежных авторов на родину: «Но я не забыл, что завещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами». Стихотворение вошло в сборник, составленный В.П. Крейдом (Крейденков): поэт, прозаик, критик, редактор «Нового Журнала» (1994–2005), который также стал автором биографических статей о поэтах. (Вернуться в Россию — стихами. 200 поэтов эмиграции. М., 1995. С. 231.)

37 Полян Павел Маркович (псевдоним Нерлер), географ, историк, литературовед.

38 Полян П.М. *Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация*. М., 1996.

39 Бабичева Майя Евгеньевна — автор многих статей о литературе Русского Зарубежья, заведующая сектором рекомендательной библиографии РГБ.

40 Бабичева М.Е. *Писатели второй волны русской эмиграции*. М., 2005.

41 Агеносов Владимир Вениаминович — профессор, заслуженный деятель науки РФ, составитель и редактор ряда антологий и справочников по литературе Русского Зарубежья, автор многочисленных статей и очерков о литераторах второй эмиграции, член РАГ в США.

енной) волны эмиграции для массового российского читателя по-прежнему *terra incognita*. Обычно говорится, что она уступает по объему и значимости литературе первой волны. Это так и не так. Конечно, писатели послевоенной эмиграции не обладали столь блестящей эрудицией, как их предшественники. Конечно, их творческие поиски не были столь широки, как у художников первой волны русского рассеяния. Но они видели и знали то, что уже не видели и не знали послереволюционные эмигранты. Открываемый новым поколением эмигрантов художественный мир дополнял и существенно корректировал картину, воссоздаваемую советскими писателями. Наконец, они были талантливы...»⁴².

Да, прав Владимир Агеносов, многие из них были очень талантливы. Притом не потеряли то, что Зинаида Гиппиус назвала «своеструнность». И в полном отрыве от родины они сумели сохранить самое главное: «великое русское слово». В заключение даю несколько кратких биографических очерков о моих дорогих друзьях-коллегах, с которыми мне было легче жить «на этой красивой и страшной земле».

СЕРГЕЙ ГОЛЛЕРБАХ

Из всех художников (в широком смысле), которых мне довелось встретить на моем, уже очень долгом жизненном пути, Сергей Голлербах представляется мне жизнеутверждающей и цельной творческой натурой. Его живопись и проза гармонично вписываются в характер самого автора, не пребывающего в конфликте со своим внутренним и внешним миром. Голлербах неизменно доброжелателен к собратям по кисти и по перу. На мой вопрос — трагический или радостный у него творческий процесс, он ответил: «Я бы сказал — радостный».

Сергей Голлербах широко известен как замечательный живописец, эссеист, автор ряда книг по искусству. Он — член нью-йоркской Национальной академии дизайна и многолетний преподаватель живописи. Его очерки до сих пор публикуются в зарубежной (главным образом, в «Новом Журнале») и российской периодике.

42 Агеносов В. *Итоги и задачи изучения литературы ди-пи и послевоенной эмиграции* // Записки РАГ в США. Т. 34, 2006–07. С. 53.

Сергей Львович Голлербах родился 1 ноября 1923 года в Детском (бывшем Царском) Селе. Со стороны отца он происходит из рода обрусевших немцев, а мать была из русской дворянской семьи. Его дядя и крестный отец – известный искусствовед Серебряного века Эрих Федорович Голлербах, автор знаменитой книги о Царском Селе «Город муз», погиб на Ладожском озере при эвакуации из Ленинграда.

Во время немецкой оккупации Сергей Голлербах был вывезен на принудительные работы в Германию. Затем, избежав насильственной репатриации, остался на Западе. После войны эмигрировал в США, став постоянным жителем Нью-Йорка, города, который до сих пор питает его творческое воображение.

В Америке он, как и многие из нас, бывших дипийцев, начинал с «черной» работы. Но потом он устроился в ателье коммерческого искусства, начал выставлять свою живопись в нью-йоркских галереях, преподавать, стал членом многих художественных обществ, и постепенно его имя приобрело вес: оно стало известным не только в «русском Нью-Йорке», но и среди американских художников. Кроме того, он известен и как автор многочисленных книжных обложек к изданиям Ахматовой, Мандельштама, Волошина, Одоевцева, Елагина...

Думаю, главное в голлербаховском творчестве заключается в том, как он понимает эстетику. Голлербах говорит, что современное искусство не стремится к выражению идеальной красоты. Поэтому предметом искусства может быть нечто некрасивое и даже уродливое. Важно лишь, как смотрит на свой объект художник и что он о нем думает.

У Голлербаха время, как у большинства «вторых», включило жизнь в трех странах: Россия, Германия, Америка. Россия детства и отрочества вернулась к художнику на склоне лет. Он часто туда ездит, там проходят с успехом его выставки и там он теперь имеет возможность публиковать свои замечательные очерки. Германия – это война, бомбежки, лагеря, принудительные работы, а затем – художественное образование в Мюнхене, снова прерванное, но не войной, а эмиграцией. И вот Нью-Йорк, его улицы дали художнику неиссякаемый источник материала, который он претворял в де-

сятки картин, этюдов, рисунков, выполненных в типичной голлербаховской, до какой-то степени гротескной, манере.

В своих очерках Сергей Голлербах нередко размышляет о месте художника в современном свободном мире, где свобода творчества, по его словам, непроста. К восьмидесятилетию Сергея Львовича в Петербурге вышел большой том его очерков — «Свет прямой и отраженный»⁴³. С изданием этой книги можно считать, что Сергей Львович Голлербах вернулся в Россию не только как живописец, но и как прозаик, ибо большинство его очерков можно отнести к жанру художественной литературы.

ИВАН ЕЛАГИН

Ивана Елагина почти единодушно и справедливо считают первым поэтом второй эмиграции. О нем заговорили сразу же по окончании войны. Он, как и двое его земляков-киевлян — Ольга Анстей и Николай Моршен, еще живя в Германии, в 1949 году стал печататься в «Новом Журнале». О нем критики писали чаще, чем о других поэтах второй волны. У него, можно сказать, даже был «широкий читатель». И, в отличие от большинства бывших «дипийских авторов», он никогда не издавал сборники стихов на свои средства. Он первым из поэтов второй эмиграции «вернулся в Россию стихами» — свидетельством этого замечательного события является издание в 1998 году елагинского двухтомника⁴⁴.

Иван Венедиктович Матвеев родился 12 декабря 1918 года во Владивостоке. Его отца, поэта-футуриста Венедикта Марта, расстреляли в 1938 году. В том же 1938 году Иван Венедиктович женился на Ольге Анстей, и в 1943 году они навсегда покинули Киев, город, в котором оба долго жили, который очень любили и часто о нем писали. Мать Елагина (этот псевдоним он взял в Германии) Сима Лесохина была еврейкой, что во время жизни Матвеевых в гитлеровской Германии таило в себе реальную опасность. Из Германии по статусу ди-пи в 1950 году Матвеевы смогли эмигрировать в США. Здесь Иван Венедиктович получил докторскую степень по русской литературе и долгие годы преподавал в аме-

43 Голлербах С.Л. *Свет прямой и отраженный*. Воспоминания, проза, статьи / Сост. и ред. Е. Голлербах, И. Трофимова. СПб., 2003.

44 Елагин И. *Собрание сочинений в двух томах* / Сост. Е. Витковский. М., 1998.

риканских университетах. Елагин также переводил американских поэтов для «экспортного» журнала «Диалог — США». И, конечно же, почти до последнего вздоха писал стихи. Подтверждение этому — стихотворение «Гоголь»⁴⁵, написанное им накануне смерти. А в год смерти поэт прислал мне четверостишие, которое попросил опубликовать во «Встречах»⁴⁶ после его смерти. Вот оно:

*Здесь чудо все: и люди, и земля,
И звездное шуриание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя —
Нет в мире ничего обыкновенней⁴⁷.*

Иван Елагин умер от рака 8 февраля 1987 г. в Питтсбурге (Пенсильвания).

Под авторским «я» Елагина почти всегда подразумевается множественное число. Название раннего сборника «Ты, мое столетие!» (1948 г.) относится не к «моему», а к «нашему» трагическому столетию, уничтожившему миллионы жизней.

*Я родился при шесте справок, анкет, паспортов,
В громыхани митингов, съездов, авралов и слетов,
Я родился под гулкой обвал мировых катастроф,
Когда сходит со сцены культура, свое отработав...*

Снова не «я», а «мы» родились в то лихое время. Так понимал стихи Елагина его «широкий читатель». Его, не без некоторого основания, обвиняли в «публицистичности». Он объяснял это так: «Меня тянет в те комнаты, что выходят окнами на улицу, к людям. Отсюда моя гражданственность, а порою и публицистичность»⁴⁸.

В годы войны Елагин написал много стихотворений, в которых были образы, запоминающиеся на всю жизнь. Например, для тех, кто видел конец войны, совершенно незабываем елагинский

45 Елагин И. *Гоголь* // Новое русское слово. 1987, январь.

46 «Встречи» — поэтический альманах-ежегодник (Филадельфия), до 1983 г. — «Перекрестки». С 1983 г. редактор — В. Синкевич. Альманах перестал выходить в 2007 г.

47 Четверостишие опубликовано в 1987 г. в номере «Встреч», посвященном памяти И. Елагина. С. 33.

48 Фесенко Татьяна Павловна (урождённая Святенко, 1915–1995 гг.), литератор, поэт, мемуарист, библиограф. Приводит сказанные ей эти слова Елагина в своей книге «Сорок шесть лет дружбы с Иваном Елагиным». Париж, 1991. С. 123.

«упавший на колени» мост. Его можно воспринять как символ побежденной Германии:

*Они молчат – свидетели беды,
И забывают о борьбе и тлене –
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.*

Мне кажется, что в зарубежной поэзии о трагедии войны никто не сказал так образно и так убедительно, как «публицист» Иван Елагин.

Также Ивана Елагина можно назвать нашим самым «звездным поэтом». Центральный образ звезд проходит по его лучшим стихотворениям, включая «Звезды» – на тему сталинского террора и войны. Предчувствуя скорый конец, Елагин скажет: «Это за мною пришли мои звезды – пора!» Свою последнюю книгу смертельно больной поэт назвал «Тяжелые звезды»⁴⁹.

Творчество Иван Елагин понимал как благородное и глубокое применение идеи к искусству. У него идея заключалась в осуждении времени, из-за которого он, то есть – мы, потеряли родину.

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

Олег Павлович Ильинский был самым молодым поэтом второй волны русской эмиграции. Он родился 19 мая 1932 года в Москве, на Запад попал с родителями подростком. Здесь он получил образование, здесь очень скоро стал зрелым мастером, занявшим видное место в сложной зарубежной поэтической «иерархии». Со временем он начал писать и интеллектуальные литературоведческие статьи и рецензии. С 1960 года Ильинский регулярно выпускал поэтические сборники – каждый под скромным названием: «Стихи». Поэт регулярно печатался в серьезной зарубежной периодике и включен во многие поэтические антологии. Он получил высшее образование уже в Америке, куда эмигрировал в 1956 году.

Как поэт, Олег Ильинский формировался на Западе. Он прекрасно знал европейскую литературу, искусство и философию и был, можно сказать, единственным среди второй эмиграции

⁴⁹ Последний прижизненный сб. стихов: Елагин И. *Тяжелые звезды* / Сост. и ред. Л. Ржевский. Тенафлай, 1986.

«настоящим европейцем». В его стихах присутствуют аллюзии из живописи, скульптуры и зодчества; городской пейзаж сменяется вдохновенным описанием природы; после античного мира возникает современный Нью-Йорк, который поэт видит по-разному во многих (сверх 50-ти!) своих стихотворениях об этом городе, в котором жил долгие годы. Вот одно из них о весеннем Нью-Йорке:

*Весна,
Сабвейный ветер и ездук,
Скольженье лифтов, лестничные спуски
И на губах – хрустальный холодок
Музея современного искусства.
Вот так бы оскуптурить и занять,
Заставить жить в стекле четверостишья
Серезжками облепленный асфальт
И голубей, срывающихся с крыши.
Пусть теплое дыхание эстакад
Проносится над зеленью эскизной,
Пусть сквозь листву заглядывает в сад
Серебряный висок сюрреализма⁵⁰.*

Это нью-йоркская весна Олега Ильинского. Там, где другие сокрушаются о бедности городской флоры, раздавленной камнями гигантского современного города, этот поэт дает грациозный, легкий рисунок весеннего города. Его весна не подвластна Нью-Йорку. Она сама по себе. И она прекрасна.

У Ильинского особенно обострено зрительное восприятие окружающего. Может быть, поэтому он страстно любил путешествовать, любил европейские города, описывая их в стихах не как торопливый турист, а как художник, которому близка культура Европы. Вдохновенный путешественник, он любит шедеврами живописи, скульптуры, рассматривает образцы старого зодчества где-нибудь в Германии или Франции. Вот строки о готике из стихотворения «Средневековье»:

*В прохладных каменных стенах,
Где роспись стен почти без красок,*

50 Стихотворение цитируется по его первой публикации: Новый Журнал, 1974, № 115. С. 41.

*Мой стих, суровый, как монах,
Простой веревкой опоясан...*

А потом врачи вдруг сказали Олегу Павловичу, что у него рак: метастазы в костном мозге, и операция уже не поможет. Он скончался 9 сентября 2003 года в Нью-Йорке. Его творчество, к сожалению, мало известно в России.

ЛЕОНИД РЖЕВСКИЙ

Леонид Ржевский жил в четырех, в основном, взаимоисключающих друг друга, мирах: старая Россия, в которой прошло детство будущего известного зарубежного прозаика Ржевского, Советский Союз — его годы учебы и начало педагогической деятельности, военное время — для него это фронт, лагерь, госпиталь, и, наконец, современный Запад — Европа и Америка. На основании долголетнего знакомства с писателем могу утверждать, что, несмотря на трагизм пережитого, он до конца сохранил доброжелательный, жизнерадостный и общительный характер.

Мягкость — вот общее впечатление от всего облика Ржевского. Был он невысокого роста, хорошо сложен, держался прямо. Лицо круглое, почти без морщин, глаза светлые, высокий лоб. До преклонного возраста выглядел удивительно молодо. Говорил очень тихим голосом из-за перенесенной горловой чахотки — результат немецкого плена.

Леонид Денисович Суражевский (Ржевский — литературный псевдоним, а затем и фамилия, под которой он жил на Западе) родился 21 августа 1905 года под Ржевом, в имении деда по материнской линии из аристократического испано-французского рода Роберти де ла Церда. По отцовской линии Ржевский из семьи военных. (Его отца называли Денисом в честь Дениса Давыдова.) Ржевский успел закончить свое образование еще в России. После окончания Московского педагогического института он отслужил в армии и был демобилизован в чине лейтенанта запаса. Затем днем преподавал в Москве, Туле, Орехово-Зуеве, а по ночам работал над диссертацией о языке «Горе от ума», которую защитил 28 июня 1941 года, получив степень кандидата филологических

наук. А через несколько дней он уехал на фронт и в мирное время Россию больше не увидел.

Как же очутился Леонид Ржевский за рубежом? Люди его поколения не эмигрировали с визами, домочадцами и чемоданами. То было сталинское время, помноженное на войну. У Ржевского произошло так: при переправе его дивизии через Десну он наткнулся на мину и пришел в себя уже в немецком плену, пробыв за колючей проволокой около двух лет. Вышел оттуда почти безнадежно больным: туберкулез обоих легких, горловая чахотка и язва желудка. Его чудом нашла жена Агния Сергеевна Шишкова⁵¹ и буквально вырвала из лап смерти. Ее образ в художественном преломлении не раз встречается в произведениях Ржевского.

«Я вдруг ощутил эту великолепную, ни с чем несравнимую свободу — поступать по собственному хотению, думать, беседовать с совестью, высказываться без какого-нибудь принудительного давления извне...», — писал он в очерке «Про самого себя»⁵². В основном, все его творчество можно назвать «Беседой с совестью».

Деятельность Ржевского в эмиграции была разносторонней. Он автор восьми книг художественной прозы и пяти литературоведческих. Посмертно вышел сборник его рассказов «За околицей», том литературных статей и очерков «К вершинам творческого слова»⁵³. Ржевский был редактором журналов «Грани» (1952–1955) и соредактором «Нового Журнала» (1975–1976), также был редактором и составителем ряда альманахов и сборников, включая последнее зарубежное издание стихов Ивана Елагина «Тяжелые звезды».

По приезду в Америку он читал лекции по литературе в Оклахомском университете, затем занял кафедру славянских литератур в Нью-Йоркском университете и каждое лето преподавал в летней школе Норвичского университета.

Почти в каждом произведении Ржевского этика личности находится в конфликте с этикой общества. Он описывает душевное

51 Шишкова Агния (Аглая) Сергеевна (в замужестве Ржевская), родилась 1 февраля 1923 г. в Рославле. Поэт, профессор-славист. Умерла в Нью-Йорке.

52 Ржевский Л. *Про самого себя* // Ржевский Л. *За околицей*. Рассказы разных лет. Тенафлай, 1987. С. 28.

53 Ржевский Л. *К вершинам творческого слова*. Литературоведческие статьи и рецензии. Нордфилд, 1990.

состояние человека, у которого есть один выход: оправдать или даже одухотворить преступное общество. В результате тяжкий груз причастности к преступлению герой несет всю свою жизнь. Позже, в литературоведческой статье Ржевский назовет эту причастность «пилатовым грехом», то есть грехом трусости — не на поле брани, а экзистенциальной, социально-бытовой. Творчество Ржевского, взятое в целом, говорит нам, что жизнь хороша, ужасно лишь время, в котором духовно больные люди, как заразу, распространяют смерть.

Леонид Денисович был истинно московским писателем. Москва в эмиграции стала для него неиссякаемым источником творческой энергии. Она — фон почти всех его произведений. В конце жизни он собрал свои московские повести и рассказы в одну книгу и издал ее под названием «Звездопад»⁵⁴. Авторское посвящение к ней гласит: «Землякам-москвичам моего и новых поколений посвящается эта книга».

Писатель умер 13 ноября 1985 года в Нью-Йорке от сердечного приступа. Его творчество до сих пор мало известно в России.

БОРИС ФИЛИППОВ

В биографии Бориса Филиппова (настоящая фамилия Фелистинский) можно найти нечто общее с другими эмигрантами старшего поколения второй волны, например с Ржевским. У обоих жизнь начиналась в царской России, продолжалась в советской, а затем — эмиграция на Запад: Германия и США.

Он родился еще до революции, 6 августа 1905 года, в Ставрополе Кавказском в семье офицера русской императорской армии. Учился в Московской классической гимназии, среднюю школу окончил в Ставрополе. В 1928 году закончил ленинградский Восточный институт; затем учился в вечернем Институте промышленного строительства. Его неоднократно арестовывали, а в 1936 году сослали на пять лет в Ухто-Печорские лагеря НКВД. Он был освобожден с трехлетним поражением в правах: ни в столицах, ни в больших центрах проживать не мог. Немецкая оккупация застала его в Новгороде. Дальше — обычный путь для большинства людей

⁵⁴ Ржевский Л. *Звездопад. Московские повести*. Анн Арбор, 1984.

второй эмиграции: Германия и лагеря ди-пи, а с 1950-го года — США. Здесь Филиппов (этот псевдоним стал его фамилией) обосновался сперва в Нью-Йорке, затем он переехал в пригород Вашингтона Университи-Хилл, где жил долгие годы и где скончался 3 мая 1991 года.

Бориса Андреевича Филиппова можно считать самым разнообразно одаренным литератором второй эмиграции. Он был автором свыше 30 книг беллетристики, стихов, мемуаров, легенд, сказаний, эссе, рецензий, публицистических статей, философских этюдов... Был также и блестящим лектором, любил выступать на конференциях и симпозиумах, и преподавателем, вел русскую литературу в вашингтонском Американском университете.

Имя Филиппова широко известно в связи с его редакторской деятельностью. Более 60 изданий вышло при его непосредственном участии: редактор (или соредактор с Г. Струве или Е. Жиглевич⁵⁵), составитель, автор предисловий и комментариев. Но дело, конечно, не в количестве, хотя и оно удивительно, а в значении работы. Он издавал произведения авторов, в то время полностью или совсем не печатавшихся у себя на родине: Гумилев, Волошин, Ахматова, Мандельштам, Клюев, Леонтьев, Розанов... Эту, поистине подвижническую, издательскую деятельность Филиппова я считаю самым достойным продолжением дипийской лагерной издательской эпопеи, которую иные некогда называли донкихотской⁵⁶.

Проза Бориса Филиппова, в основном, автобиографична. В его повестях и рассказах есть центральный персонаж Андрей, от имени которого автор нередко ведет повествование. Из страшного, но богатейшего жизненного опыта рождались филипповские типы праведников и негодяев, палачей и жертв, неудачников, чудаков, эрудитов, меломанов... И во всем, о чем бы он ни писал, присутствует напряженная мысль, пронизывающая строки жизненными токами. Мне кажется, что художественная проза Филиппова недостаточно оценена критиками. А оригинальность Филиппова-

55 Жиглевич Евгения Владимировна, родилась в 1921 г. в Риге. Эссеист, переводчик, редактор, актриса. Представительница первой эмиграции. Живет в Университи-Хилл, Мэриленд.

56 О трудностях издательской деятельности в Америке недавно в «Новом Журнале» появился большой материал Павла Нерлера. См.: *Переписка Б. Филиппова и Г. Струве* // Новый Журнал, 2010, № 258, 260.

литературоведа, я думаю, заключается в сочетании мысли и эмоции, сложности и простоты, эрудиции и отрицания научного снобизма в любом виде, и в сочетании хорошего вкуса с глубоким знанием не только литературы, но музыки, живописи и зодчества.

Поэтическое наследие Филиппова довольно скромное, хотя писал он всю жизнь, часто перемежая в своих книгах прозу и поэзию. В стихах у него нередко ощущается чувственное языческое единение с землей и благоговение перед земной жизнью. Земля у него живая, и пишет он это слово с прописной буквы. Но в древнем городе Пскове Борис Филиппов иконописно, по церковному воспринимает окружающее: темный скорбный лик у проходящей женщины. А может быть, это лик родной Земли?

*Плат по брови, темный лик –
убивается Земля родная, –
и отсветом дедовского фая
церкви песнопевческий родник⁵⁷.*

Ключевые слова: репатриация, эмиграция, вторая волна русской эмиграции, DP (дипи), невозвращенцы, творческая интеллигенция второй волны.

Право на национальную идентичность и практика педагогики в инокультурной среде (из опыта Русского зарубежья 1920-х — 1950-х гг.)

Юлия Горячева, специалист Межведомственного ресурсного Центра мониторинга и экспертизы образовательной среды Московского городского психолого-педагогического университета

Сегодня российское зарубежье активно изучается как уникальный феномен, составляющий часть российской культуры, науки, искусства, литературы, права и национальной жизни в условиях инокультурной среды. Отдельного внимания удостоена проблематика его культурно-образовательного пространства, зародившегося в условиях рассеяния за рубежом в начале XX столетия. Оно

⁵⁷ Филиппов Б. *Град Святых Троицы* // Филиппов Б. *Влекущие дали дорог*. Вашингтон, 1987. С. 23.